



Недостатки законодательной регламентации оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях и пути их устранения: проект изменений уголовно-исполнительного законодательства

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия
Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия
oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Реферат

Введение: согласно ст. 84 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность. Указанная норма содержит отсылку к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», однако предусмотренная кодексом задача по выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания не соотносится с федеральным законом и является специфичной задачей оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях. **Цель:** выявить особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, пробелы и противоречия регулирующего ее законодательства, предложить научно обоснованные пути их устранения. **Методы:** теоретического исследования: индукция, дедукция, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, аналогия, сравнение, идентификация, обобщение, экстраполяция, формализация, идеализация; эмпирического исследования: наблюдение, описание, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов, метод включенного наблюдения. **Результаты:** в статье обосновано, что задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях выходят за рамки оперативно-розыскного закона, что влечет отсутствие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на их решение; отмечено, что оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях осуществляется путем проведения не только оперативно-розыскных, но и режимных, воспитательных и иных мероприятий; выявлен пробел законодательства в части необходимости и субъектов ведомственного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий с использованием предметов, запрещенных или ограниченных в местах лишения свободы; указано на невозможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности для привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности. **Выводы:** в результате комплексного анализа сконструирована норма уголовно-исполнительного законодательства, которой предлагается заменить аналогичную действующую ст. 84 УИК РФ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; оперативно-розыскные мероприятия; законодательство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Агарков А. В. Недостатки законодательной регламентации оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях и пути их устранения: проект изменений уголовно-исполнительного законодательства // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 4 (72). С. 382–390. doi 10.46741/2686-9764.2025.72.4.005.

Shortcomings in the Legislative Framework Governing Law Enforcement Intelligence Operations in Correctional Facilities and Solutions: Draft Proposal for Amending Penal Legislation

ALEKSEI V. AGARKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russia
oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Abstract

Introduction: in accordance with Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation, law enforcement intelligence operations are conducted in correctional facilities in accordance with the Russian legislation. This provision refers to the federal law No. 144-FZ "On law enforcement intelligence operations" of August 12, 1995. However, the task to identify, prevent, and uncover violations of the established procedure for serving sentences being prepared or committed within correctional facilities stipulated by Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation does not correspond to the federal law No. 144-FZ and constitutes a specific, unique objective of law enforcement intelligence operations in penitentiary institutions. The task of ensuring personal safety of convicts, correctional facility staff, and other persons under Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation is not fully covered by the objective of crime prevention. Furthermore, law enforcement intelligence operations within correctional institutions have other significant distinctions characteristic of custodial settings. *Purpose:* to identify key features of law enforcement intelligence operations in correctional facilities, gaps and contradictions in its regulatory framework, and propose scientifically grounded solutions based on the author's research. *Methods:* theoretical research: induction, deduction, analysis, synthesis, abstraction, concretization, analogy, comparison, identification, generalization, extrapolation, formalization, and idealization; empirical research: observation, description, questionnaires, interviews, document content analysis, and participant observation. *Results:* the article systematically presents the author's findings on shortcomings in current penal legislation governing law enforcement intelligence operations in correctional facilities. Specifically, it demonstrates that the tasks of law enforcement intelligence operations in correctional facilities exceed the scope of the federal law No. 144-FZ creating no legal basis for operational search measures addressing these tasks. Law enforcement intelligence operations in penitentiary institutions combine operational search measures with regime enforcement, educational, and other activities unified by a common objective. There is a legislative gap regarding authorization procedures for operational search measures involving the items prohibited or restricted in custodial settings. Results of law enforcement intelligence operations cannot be used to impose disciplinary liability on convicts. *Conclusion:* through comprehensive analysis of these shortcomings, the author proposes an amendment to replace Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation.

Key words: law enforcement intelligence operations; penal system; correctional facilities; operational search measures; legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Agarkov A.V. Shortcomings in the legislative framework governing law enforcement intelligence operations in correctional facilities and solutions: draft proposal for amending penal legislation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 4 (72), pp. 382–390. doi 10.46741/2686-9764.2025.72.4.005.

Введение

Вступивший в силу в 1997 г. УИК РФ, декларируя передовые для своего времени идеи, содержал значительное количество пробелов и противоречий, которые выявляются в процессе правоприменительной практики и впоследствии устраняются законодателем. Так, в кодекс с момента его опубликования внесено 196 изменений (1997–2010 гг. – 64, 2011–2020 гг. – 78, 2021–2025 гг. – 54). Но ст. 84 УИК РФ, регламен-

тирующая осуществление оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, изменениям и дополнениям не подвергалась. Может быть, в этом не было необходимости? Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Основная часть

Статья 84 УИК РФ «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях» размещена законодателем в гл. 12 «Режим в исправительных

учреждениях и средства его обеспечения», что, как нам представляется, свидетельствует о намерении законодателя использовать оперативно-розыскную деятельность как средство обеспечения режима. Более того, следует признать, что на практике именно так она и используется в большинстве случаев. Вместе с тем ч. 1 ст. 84 однозначно декларирует, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется в исправительных учреждениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, то есть с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», с учетом соблюдения требований, установленных отдельными нормами УК РФ, УПК РФ и ряда иных законодательных актов. Именно к данному федеральному закону адресуют гиперссылки ведущих правовых систем (информационно-правовой системы «Гарант», справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»). Действительно, иных законов, прямо регулирующих сферу правовых отношений в области оперативно-розыскной деятельности, отечественное законодательство не содержит. Приоритет федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», несмотря на наличие отдельных оперативно-розыскных норм в иных законах, неоднократно подтверждается в научной литературе [1; 2].

В свою очередь, ст. 1 закона однозначно устанавливает, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется в целях защиты от преступных посягательств. Рассуждая с точки зрения буквального толкования закона, очевидно, что обеспечение режимных требований в исправительных учреждениях в указанную цель не входит. Здесь следует заметить, что понятие «защита от преступных посягательств» стоит рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле, с точки зрения филологии, защита – то, что защищает, служит обороной [3, с. 210]. С юридической точки зрения, А. М. Ларин, мнение которого в данном вопросе мы разделяем, под защитой понимает «разнообразную деятельность по охране прав и свобод человека от всевозможных нарушений и ограничений и возмещению ущерба, причиненного правам и свободам человека, если не удалось предупредить или отразить нарушения, устранить ограничения» [4, с. 58]. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность не может осуществляться без наличия признаков уже имеющихся преступных посягательств. Это соотносится с задачей, указанной в ст. 2, по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также с предусмотренным подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в виде ставших известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Таким образом, закон не позволяет осуществлять оперативно-розыскную деятельность без наличия сведений о как минимум

подготавливаемом *преступлении* (здесь и далее курсив наш. – А. А.).

Вместе с тем подобный подход позволяет выделить значимые противоречия и в самом федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Если речь идет о защите от конкретных преступных посягательств, то как с ней соотносятся предусмотренные ст. 2 ФЗ розыск без вести пропавших (начиная их розыск, оперативные подразделения не располагают информацией о совершении в отношении пропавшего без вести лица преступления) и добытие информации (поисковый процесс без наличия первичной информации) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности Российской Федерации? При этом соответствующие основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий ст. 7 предусмотрены. Исходя из вышеизложенного, считаем возможным предположить, что понятие «защита от преступных посягательств» понимается законодателем в широком смысле как защита от действий, способных привести к совершению преступления.

Применительно к уголовно-исполнительной системе С. А. Бажанов, К. К. Горяинов и А. П. Исиченко отмечали следующее: «из законодательного перечня злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания усматривается, что они несут в себе весьма опасный криминогенный потенциал, который в условиях предельно высокой концентрации наиболее криминально пораженной части осужденных, к тому же на ограниченной территории, может привести и приводит к пенитенциарным конфликтам, нередко перерастающим в уголовно наказуемые деяния» [5, с. 9].

Исходя из расширительного толкования понятия «защита от преступных посягательств», а также из того, что соблюдение режимных требований в исправительных учреждениях обеспечивает минимизацию количества совершаемых в местах лишения свободы преступлений (например, за счет запрета спиртных напитков, колюще-режущих предметов и др.), возможно допустить, что декларируемая федеральным законом цель оперативно-розыскной деятельности в виде защиты от преступных посягательств находит свое развитие в виде задач, предусмотренных законом и ст. 84 УИК РФ. При этом задачи совпадают лишь частично. В частности, выходят за рамки федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» такие задачи, как «обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц», «выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания».

Рассматривая первую задачу, считаем целесообразным ее несколько уточнить, так как в действующей редакции она выходит за рамки уголовно-исполнительных правоотношений в части иных лиц. Оперативные подразделения ФСИН России даже теоретически не могут обеспечить личную безопасность неопределенного круга лиц, в связи с чем, по нашему мнению, требуется уточнение «иных лиц, находящихся

на территории исправительных учреждений». Вместе с тем, развивая указанную мысль и используя приемы юридической техники, следует задаться вопросом: нужно ли перечислять отдельные категории лиц, находящихся на территории исправительных учреждений (осужденных и персонал), если задача обеспечения личной безопасности стоит также в отношении и иных категорий лиц, подпадающих под указанный территориальный признак? На наш взгляд, подобное перечисление излишне, в связи с чем предлагаем использовать формулировку «обеспечение личной безопасности лиц, находящихся на территории исправительных учреждений».

Здесь имеется определенная тонкость. Логичным представляется утверждение, что задачей оперативно-розыскной деятельности на территории исправительного учреждения, является обеспечение личной безопасности его персонала не только в момент нахождения на службе, но и во внеслужебное время (по дороге на службу и обратно, при нахождении сотрудников в отпусках, в том числе на территории иных регионов, и т. д. Вместе с тем следует уточнить, что указанная задача в уголовно-исполнительной системе возложена на специальные оперативные подразделения, осуществляющие функцию собственной безопасности, которая реализуется в рамках федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Подразделения собственной безопасности также имеют право осуществлять оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях, однако ее задачи, предусмотренные в ст. 84 УИК РФ, не являются для них приоритетными. Таким образом, предлагаемая нами формулировка не повлечет ухудшения процесса обеспечения личной безопасности персонала исправительных учреждений.

Необходимо особо подчеркнуть, что содержание понятия «личная безопасность» действующим законодательством не раскрывается. Предпринятый нами научный поиск дал следующие результаты: личная безопасность – это «состояние защищенности человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей, обеспечиваемое самой личностью и контролируемое государством» [6, с. 130]; «социальное благо человека, имеющее нормативно-правовое закрепление, гарантированное и обеспечиваемое деятельностью государства и обществом от противоправных посягательств и позволяющее человеку безопасно осуществлять свои права и свободы» [7, с. 42]; отсутствие опасностей и прогрессивное развитие осужденных путем реализации прав, свобод и законных интересов, полная защищенность от различного вида угроз, возможность полноценного развития в условиях лишения свободы [8, с. 101] и др.

Таким образом, понятие «личная безопасность» представляет состояние защищенности жизни, здоровья, достоинства, прав и свобод человека от внешних угроз. В указанном состоянии возможно выделить несколько взаимосвязанных аспектов: физический (обеспечение отсутствия физического насилия), психологический (предупреждение или пресечение психологического давления), информационный (не-

допущение разглашения персональных данных), социальный (противодействие дискриминации по какому-либо признаку). Отметим, что приведенный перечень не является исчерпывающим.

Очевидно, что в рамках оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях акцент делается именно на недопущении совершения преступлений, тогда как иные аспекты, как правило, оперативными подразделениями не обеспечиваются. Причиной является, прежде всего, несовершенство действующей правовой базы. Поясним: задача обеспечения личной безопасности имеется, но она, как уже отмечалось выше, выходит за рамки федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», который не предусматривает соответствующих рассматриваемой задаче оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, следовательно, осуществление оперативно-розыскной деятельности для ее решения нелегитимно.

Аналогичная ситуация складывается в области выявления, предупреждения и раскрытия готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания. Если в отношении борьбы с преступлениями проблем не возникает (схожая задача, предусматривающая дополнительно пресечение преступлений, предусмотрена федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»), то оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания действующее законодательство не содержит.

Здесь также имеется особенность юридического свойства. Подпункт 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 предусматривает основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий в виде ставших известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного *противоправного деяния*, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Таким образом, нормы федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УИК РФ согласуются между собой: ч. 1 ст. 84 кодекса фразой «оперативно-розыскная деятельность осуществляется в исправительных учреждениях в соответствии с законодательством Российской Федерации» отсылает к закону, устанавливающему порядок ее осуществления, тогда как ч. 2 кодекса устанавливает задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, выходящие за рамки задач федерального закона. Одновременно закон содержит основание для решения задач, предусмотренных ч. 2 ст. 84 УИК РФ. Однако указанная гармония была нарушена определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой», в котором суд однозначно установил, что под противоправным деянием рассма-

триваемый федеральный закон подразумевает лишь уголовно наказуемое деяние, то есть преступление. Тем самым указанный акт лишил оперативные подразделения ФСИН России юридических оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях борьбы с нарушениями установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Рассматривая сложившуюся ситуацию, следует задаться вопросом: являются ли акты Конституционного Суда Российской Федерации источниками оперативно-розыскного права? В соответствии со ст. 4 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» правовую основу оперативно-розыскной деятельности составляют Конституция Российской Федерации, данный закон, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в форме постановлений, заключений, определений в указанной статье не упомянуты, однако их относят к правовой основе оперативно-розыскной деятельности многие уважаемые ученые [9, с. 52; 10, с. 47, 49; 11]. Так, А. Е. Чечетин, И. Д. Шотохин, А. А. Шмидт отмечают, что «по своей юридической природе решения Конституционного суда являются правовыми актами особого рода, обладающими определенными прецедентными и преюдициальными свойствами, а по своей юридической силе относятся к высшему (конституционному) уровню правового регулирования ОРД наряду с Конституцией РФ» [12, с. 5].

Характеризуя сложившуюся ситуацию, следует отметить разницу в подходах к толкованию рассматриваемого понятия: нормативный подход, заключающийся в констатации лишь тех источников права, которые перечислены в ст. 4 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и научный подход, позволяющий высказывать авторские точки зрения по указанному вопросу, включая либо исключая те или иные источники права. Заметим также, что существует значительное количество авторских классификаций правовой основы оперативно-розыскной деятельности [13, с. 68–69].

На наш взгляд, при толковании права следует опираться не на теорию, а на действующую норму закона. Исходя из содержания ст. 4 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», решения Конституционного Суда Российской Федерации (как и иных судов) не являются прямой правовой основой оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем свое влияние на содержание оперативно-розыскной деятельности они, несомненно, оказывают, формируя обязательные правовые позиции, которые интерпретируют нормы оперативно-розыскного законодательства. Решения Конституционного Суда Российской Федерации не создают новых норм, но разъясняют конституционный смысл законов и подлежат учету законодателем и правоприменителем. Правовая позиция суда должна находить отражение в нормах законодательства, иначе она будет носить лишь рекомендательный характер. Без сомнения, в

случае ее игнорирования в результате последующего разбирательства возможны отрицательные последствия в виде исключения доказательств из уголовного дела, однако обязательности ее знания (кстати, на практике решения Конституционного Суда Российской Федерации часто не знают) и учета в правоприменительной практике в настоящее время от сотрудников правоохранительных органов не требуется.

Существует еще одно весьма значимое, по нашему мнению, обстоятельство. Определения Конституционного Суда Российской Федерации, принимаемые по жалобам отдельных лиц, *учитывают обстоятельства, характерные именно для произошедших или аналогичных ситуаций и не подлежат безусловному применению во всех случаях*. Неверно извлекать из контекста определения отдельное положение и безусловно руководствоваться им во всех случаях. Именно это и произошло с рассматриваемым нами определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.1998 № 86-О. По жалобе гражданки И. Г. Черновой судом была проведена проверка конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (что предусмотрено ч. 3 ст. 3 Федерального Конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») для обстоятельств ее уголовного дела (в отношении И. Г. Черновой оперативно-розыскные мероприятия проводились в связи со сведениями о совершаемом преступлении, предусмотренном ст. 162.5 УК РСФСР «Незаконное предпринимательство в сфере торговли»). Таким образом, Конституционный Суд в своем определении ни в коей степени не учитывал содержание ст. 84 УИК РФ, как не имеющее отношения к существу рассматриваемой жалобы. Таким образом, *считаем обоснованным и возможным не учитывать содержание рассматриваемого определения в части оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях исправительных учреждений*.

Вместе с тем очевидно, что высказанное нами мнение является субъективным и не может быть использовано в качестве обоснования в случае вынесения мер прокурорского реагирования или оспаривания в суде наличия и законности оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях противодействия нарушениям установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях. В связи с этим, чтобы исключить дальнейшие возможные дискуссии по данному вопросу, предлагаем закрепить в ст. 84 УИК РФ основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях решения предусмотренных в ней задач. При этом считаем нецелесообразным перечислять конкретные основания и предлагаем использовать подход законодателя, продемонстрированный в ч. 3 ст. 7 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Законодатель ушел от прямых формулировок, используя фразу «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность ... проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания информации, необходимой для принятия решений...».

Таким образом, мы предлагаем дополнить ст. 84 УИК РФ частью, предусматривающей основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий в исправительных учреждениях, изложив ее в редакции: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность при исполнении наказаний, в пределах своей компетенции в целях решения задач, предусмотренных в части 1 настоящей статьи, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия».

Однако указанная редакция представляется неполной в связи с еще одной весьма значимой, на наш взгляд, чертой оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, выявленной нами в ходе научных исследований [14]. Статья 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» декларирует, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, из чего следует, что иные мероприятия в оперативно-розыскную деятельность не входят. Указанная проблема (хотя и без учета специфики уголовно-исполнительной системы) неоднократно поднималась в научной печати [15, с. 14–15; 2, с. 99; 16, с. 71; 17, с. 39; 18 и др.]. В частности, акцентировалось внимание на отсутствии в законе таких действий, как блокирование, засада, заслон, захват, изъятие предмета, документа, сообщения или иного материального объекта, погоня и т. д.), однако изменений в оперативно-розыском законодательстве до сих пор не последовало. Применительно к местам лишения свободы указанная особенность более специфична: нами установлено, что *оперативно-розыскная деятельность в учреждениях ФСИН России осуществляется как с помощью оперативно-розыскных, так и режимных, воспитательных, административных и иных мероприятий, образующих комплекс, объединенный общим замыслом*. При этом с помощью оперативно-розыскных мероприятий решаются задачи обеспечения режима отбывания наказания, предусмотренные ст. 84 УИК РФ, а с помощью режимных и т. д. – задачи оперативно-розыскной деятельности. Так, например, перевод осужденного в другую камеру (режимное мероприятие) может обеспечивать условия для проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий, тогда как с помощью оперативно-розыскных мероприятий может быть установлено место хранения самогонного аппарата, и др.

Следует констатировать, что в данном случае законодательство не отражает реальной ситуации, сложившейся в местах лишения свободы еще в середине прошлого века и имеющей социально полезный характер. Отказавшись от попыток реформирования федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (чтобы избежать обвинений в «загромождении» общего оперативно-розыскного закона спецификой уголовно-исполнительной системы), представляется необходимым отразить указанную особенность в уголовно-исполнительном законодательстве, чем легитимизировать существующую практику деятельности оперативных подразделений ФСИН России. Таким образом, мы предлагаем следующую формулировку дополнительной части ст. 84 УИК РФ: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность

при исполнении наказаний, в пределах своей компетенции в целях решения задач, предусмотренных в части 1 настоящей статьи, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия, а также осуществлять мероприятия, предусмотренные настоящим кодексом». Право осуществлять режимные и иные мероприятия, предусмотренные УИК РФ, вытекают из ведомственной принадлежности оперативных сотрудников к уголовно-исполнительной системе, равно как на оперативных сотрудников органов внутренних дел распространяются права и обязанности, предусмотренные Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Еще одной особенностью оперативно-розыскной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, требующей, по нашему мнению, отдельного закрепления в законодательстве, является осуществление оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «контролируемая поставка». Мы считаем, что оперативно-розыскные мероприятия в ходе оперативно-розыскной деятельности именно осуществляются, а не проводятся, так как термин «осуществление» является более широким и включает в себя как собственно «проведение», так и предварительную подготовку к нему, без которой при большинстве оперативно-розыскных мероприятий невозможно обойтись. Часть 7 ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что «проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, также оперативный эксперимент или оперативное внедрение... проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность». Особенностью является то, что для осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, запрещенными являются предметы и вещества, разрешенные в гражданском обороте: спиртные напитки, средства сотовой связи и комплектующие к ним, колюще-режущие предметы и др. При этом в ряде случаев они могут служить предметом оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «контролируемая поставка». Требуется ли соответствующее постановление для проведения таких мероприятий? Мы считаем, что оно необходимо, так как внешняя (объективная) сторона [19, с. 179] указанных мероприятий совпадает с правонарушением (преступлением), совершаемым осужденным, работником или сотрудником ФСИН России. Именно постановление о проведении соответствующих мероприятий будет ограничивать осуществляемые действия от состава правонарушения, легитимизирует их и позволит избежать незаконного привлечения участников мероприятия к установленной законом ответственности.

Здесь следует упомянуть о необходимости конкретизации круга лиц, имеющих право выносить соответствующие постановления. Часть 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет, что такое право предоставлено руко-

дителям органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Специфика уголовно-исполнительной системы заключается в том, что к органам ФСИН России относятся в соответствии со ст. 5 «Организация уголовно-исполнительной системы» Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» территориальные органы уголовно-исполнительной системы и федеральный орган уголовно-исполнительной системы, тогда как исправительные учреждения относятся к учреждениям, исполняющим наказания, и статуса органов не имеют. Соответственно, в судах и в ходе прокурорского надзора могут возникать (и возникают!) вопросы о правомочности начальников исправительных учреждений подписывать соответствующие документы. Заметим, что уголовно-исполнительная система включает в себя 87 территориальных органов, тогда как исправительных учреждений значительно больше: 35 исправительных колоний особого режима для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, 6 исправительных колоний особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, 251 исправительную колонию строгого режима, 164 исправительные колонии общего режима для осужденных мужчин, исправительные колонии общего режима для осужденных женщин, 94 колонии-поселения, 51 лечебное исправительное учреждение, 23 лечебно-профилактических учреждения, 7 тюрем, 13 воспитательных колоний [20]. Многие из них удалены от территориальных органов на весьма значительное расстояние, в связи с чем возможность своевременного подписания постановлений (содержащих сведения, составляющих государственную тайну, что налагает дополнительные требования и ограничения) весьма сомнительна. В связи с указанными обстоятельствами считаем возможным и обоснованным делегировать право утверждения постановлений о проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения руководителям исправительных учреждений, которые, находясь непосредственно на месте, могут не только оперативно вынести соответствующее постановление, но и проверить предоставленные им документы, используя собственные источники информации.

Завершая конструирование нормы, регламентирующей осуществление оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях, следует обратить внимание на возможность использования ее результатов. В настоящее время такая возможность существует лишь в уголовном процессе и предусматривается совместным приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Вместе с тем существует необходи-

мость, в том числе обусловленная предлагаемыми изменениями, привлечения осужденных к иной ответственности, в первую очередь установленной уголовно-исполнительным и административным законодательством. Так, например, в результате негласной аудиозаписи возможно получить сведения о местах хранения запрещенных предметов, намерениях осужденных отрицательной направленности совершать групповые неповиновения (что не образует состава преступления) и т. д. Особо следует подчеркнуть возможность получения информации о причастности к нарушениям установленного порядка отбывания наказания конкретных осужденных, например демонстрирующих татуировки с символикой экстремистских организаций, незаконно использующих средства сотовой связи, замышляющих или подготавливающих побег из места лишения свободы (по ч. 1, 2 ст. 313 УК РФ – преступление средней тяжести, тогда как уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям). При этом использовать оперативную информацию (то есть результаты оперативно-розыскных мероприятий) в современных условиях для привлечения осужденных к административной или дисциплинарной ответственности невозможно.

Исходя из рассмотренных выше новаций, предлагаем изложить еще одно дополнение в ст. 84 УИК РФ следующим образом: «Результаты оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях могут быть использованы для привлечения осужденных к ответственности, установленной законодательством Российской Федерации. Порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях определяется нормативным актом федерального органа уголовно-исполнительной системы». Особо следует подчеркнуть, что состав предлагаемой нормы предусматривает ее применение исключительно в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (кроме обеспечения личной безопасности иных, кроме осужденных, лиц, находящихся на территории исправительных учреждений).

Заключение

Обобщая сказанное, предлагаем изложить ст. 84 УИК РФ в следующей редакции (предлагаемые нами изменения выделены курсивом):

1. В соответствии с законодательством Российской Федерации в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности лиц, *находящихся на территории исправительных учреждений*; выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений.

2. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями исправительных учреждений.

тельных учреждений, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции.

3. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность при исполнении наказаний, в пределах своей компетенции в целях решения задач, предусмотренных в части 1 настоящей статьи, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия, а также осуществлять мероприятия, предусмотренные настоящим кодексом.

4. Проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, оборот которых запрещен или ограничен на территории исправительного учреждения, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы, проводятся на основании постановления, утвержденного руководи-

телем исправительного учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

5. Результаты оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях могут быть использованы для привлечения осужденных к ответственности, установленной законодательством Российской Федерации. Порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях определяется нормативным актом федерального органа уголовно-исполнительной системы.

Заметим, что мы не претендуем на конечную формулировку предлагаемой нормы и будем рады возможной научной дискуссии. На наш взгляд, настало время на законодательном уровне признать и легитимизировать особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гирько С. И., Луговик В. Ф., Гусев В. А. О правоотношениях, процедурах и оперативно-розыском праве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 19–25.
2. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: моногр. Красноярск, 2019. 332 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2010. 938 с.
4. Ларин А. М. Защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека : сб. ст. / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1994. С. 57–74.
5. Бажанов С. А., Горяинов К. К., Исиченко А. П. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе: расширенный комментарий к статье 84 УИК РФ. М., 2011. 54 с.
6. Редков С. К. Особенности обеспечения личной безопасности // На пути к гражданскому обществу. 2025. № 2 (58). С. 128–131.
7. Гук Е. П. К вопросу о понятии личной безопасности // Вестник Пензенского государственного университета. 2016. № 4 (16). С. 40–42.
8. Паканич С. И. Теоретико-правовое исследование понятия права осужденных на личную безопасность в условиях лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 96–102.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 762 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В. С. Овчинский] ; вступ. ст. В. Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2020. 576 с.
11. Чечетин А. Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 65–76.
12. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д., Шмидт А. А. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : науч.-практ. пособие. Барнаул, 2022. 136 с.
13. Галахов С. С., Галахова А. В., Берсанов Ш. Р. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционные и уголовно-правовые источники // Научный портал МВД России. 2009. № 1 (5). С. 67–74.
14. Агарков А. В. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-исполнительной системе: теоретико-правовые и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024.
15. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : научный доклад. М., 2003. 24 с.
16. Оперативно-розыскной словарь / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2008. 175 с.
17. Шаров В. И. Задачи и формы (направления) оперативно-розыскной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 1. С. 37–41.
18. Шахматов А. В., Карл А. М. К вопросу о законодательном регулировании перечня оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 97–102.
19. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскной словарь. М., 2018. 216 с.
20. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 08.08.2025).

REFERENCES

1. Gir'ko S.I., Lugovik V.F., Gusev V.A. About law relationship, procedures and operative investigative law. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 4 (44), pp. 19–25. (In Russ.).

2. Zheleznyak N.S. *Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti": monografiya* [Issues of updating the federal law "On law enforcement intelligence operations": monograph]. Krasnoyarsk, 2019. 332 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80,000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 2010. 938 p.
4. Larin A.M. Protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i sovershenstvovanie mekhanizmov zashchity prav cheloveka: sbornik statei* [The Constitution of the Russian Federation and the improvement of human rights protection mechanisms: collection of articles]. Moscow, 1994. Pp. 57–74. (In Russ.).
5. Bazhanov S.A., Goryainov K.K., Isichenko A.P. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: rasshirennyi kommentarii k stat'e 84 UIK RF* [Law enforcement intelligence operations in the penal system: extended commentary on Article 84 of the Penal Code of the Russian Federation]. Moscow, 2011.
6. Redkov S.K. Features of ensuring personal safety. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu = On the Way to Civil Society*, 2025, no. 2 (58), pp. 128–131. (In Russ.).
7. Guk E.P. On the concept of personal security. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*, 2016, no. 4 (16), pp. 40–42. (In Russ.).
8. Pakanich S.I. Theoretical–legal study of the concept of the right condemned on a personal security in the conditions of imprisonment. *Vestnik Kuzbasskogo institute = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2011, no. 5 (8), pp. 96–102. (In Russ.).
9. *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti: ucheb.* [Theory of law enforcement intelligence operations: textbook]. Ed. by Goryainov K.K., Ovchinskii V.S. Moscow, 2021. 762 p.
10. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti". S prilozheniem reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii i obzorov praktiki Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Commentary to the federal law "On law enforcement intelligence operations". With the application of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of Human Rights]. Ed. by Ovchinskii V.S. Moscow, 2020. 576 p.
11. Chechetin A.E. Federal Law "On Operational Search Activities" in decisions of the constitutional Court of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (55), pp. 65–76. (In Russ.).
12. Chechetin A.E., Shatokhin I.D., Shmidt A.A. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie* [Law enforcement intelligence operations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: scientific and practical guide]. Barnaul, 2022. 136 p.
13. Galakhov S.S., Galakhova A.V., Bersanov Sh.R. The legal basis of operational investigative activities in the field of crime prevention: constitutional and criminal law source. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 1 (5), pp. 67–74. (In Russ.).
14. Agarkov A.V. *Osushchestvlenie operativno-rozysknykh meropriyatii v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: teoretiko-pravovye i prikladnye problem: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Implementation of operational investigative measures in the penal system: theoretical, legal and applied problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2024.
15. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. *O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoi deyatel'nosti: nauchnyi doklad* [On the legislative regulation of governing law enforcement intelligence operations: scientific report]. Moscow, 2003. 24 p.
16. *Operativno-rozysknoi slovar'* [Operational search dictionary]. Comp. by A.Yu. Shumilov. Moscow, 2008. 175 p.
17. Sharov V.I. Tasks and forms (directions) of operational investigative activities. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*, 2022, no. 1, pp. 37–41. (In Russ.).
18. Shakhmatov A.V., Karl A.M. On the issue of legislative regulation of the list of operational investigative measures in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2019, no. 2 (35), pp. 97–102. (In Russ.).
19. Shumilov A.Yu. *Operativno-rozysknoi slovar'* [Operational-investigative dictionary]. Moscow, 2018. 216 p.
20. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed August 8, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Университета ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

ALEKSEI V. AGARKOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, Associate Professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations of the Law Faculty of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russia, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Статья поступила 08.08.2025